

1998 №1 (31)

ТАТЬЯНА РИЗВЕНКО

* * *

Не черепашья голова на складчатом стебле, не удручающий сквозняк, царящий на земле - а что же, что? - а просто так: угольники глазков, как бы букет из угольков, иголок, волошков. И металлический металл, гудящий посреди, и вялый пульс, и слабый стук из шелковой груди. Бонапартическая стать, мытищенская знать, и роза имени - блуждать в лесу и нежно звать. Тишайший, твердый, с записным режимом бытия, и в меру сладкий, как свекла, морковка и кутья.

1996

* * *

Л.

Крысенок, девочка, старушка выносит умилений шквал: за звездчатые ручки-ножки, за доброту, за мокрый нос.

Мех драгоценного оттенка, пристрастья к белому вину, и обаянье Божьей твари нас всех к животному влечут.

Она - хозяйку утром будит, но скоро, видимо, умрет, поскольку ей два с половиной, живут же крысы возле трех.

Осталось длинненькой старушке полгода ножками сучить, и глазок мелкие маслины затянет муть небытия.

Но что за мизерные сроки, где привыканье и тоска тобой, как мячиком играют и сердце рвут напополам.

1997

ИЗ СЕРИИ "ПРЕДМЕТЫ"

Мне трехглавую лилею притаранили - бери. Источает тошнотворный запах, стоя у двери. А багровые тычины окружили, как гарем, толстый пестик непристойный и блестящий между тем. Темный замысел нечистый или тайная вражда в этой странной икебане, что сознанию чужда. Не обрежься, не измажься - я шепчу тебе в тоске: мнится мне, что погибаю, что вишу на волоске. Но и выкинуть неловко, и убрать невмоготу. Тяжким дуревом лилейным стану пахнуть за версту: буду сладкие кошмары на округу наводить, буду страх и вожделение в населении будить. Так зловещие лилеи жизнь мою перевернут, если сами с петухами на рассвете не умрут.

1997

Гепард коленками вперед дотоле не умрет, покуда хищный глаз в него убийца не упрет.

Весь в черных точках красоты, с фаллическим хвостом, с улыбкой бестии живой и ласковой притом.

И даже дырка в голове, готовая принять и розу с цепкою ногой, и мачеху, и мать.

Краснофигурные тела - такие вот дела. Гепард, отведавший огня, николько не умрет, и шкуру рыжую его убийца не сдерет.

1997

* * *

О вечном не поется ни фига, зато поется как о быстротечном: о карамельном месяце июле, о нервном тике, об упадке сил.

За что наказан тяжкой суетою, движеньем, мельтешеньем невспопадным. Увы - мой райский сад меня исторгнул и муга тонкорукая ушла.

В медово-желтой комнате июльской как озираюсь в поиске напрасном, как тупо на столешницу гляжу я, как тщетно разжигаю свой костер.

Молчит душа, и семечко прозренья не выпадет из неба голубого, зато грохочут реки и протоки простого суетного бытия.

Иди, ступай же - говорю себе я - играть на арфе бельевых веревок, придумывать питание для тела, - душа не емлет пищи и питья.

1997

* * *

Вначале входит комплекс клубок, а после тело, сдобренное духом, со слабым ртом, несимметричным ухом - тварь явно Божья, но причем тут Бог.

Он девственен, он страшно нелюбим, он так курьезен в клетчатом костюме, что это все мучительное в сумме пчелиным роем следует за ним.

Матронам впечатлительным нельзя глядеть на заколдованный принца, поскольку сернокислая слеза неустранима с помощью мизинца.

В одну из дам герой влюблен почти пять лет, и полностью влюбиться мешают сто четырнадцать препон и страх за сердце, ждущее разбиться.

1997

* * *

Уют уездный. Потолок на самой лежит на голове, но дан простор кудрявой сплетне и злой молве. Под елкою играют в шашки, под липой - в дурака, и незабудошные дети цветут пока... Свое малюсенькое это ласкает городок, в медалях доблести фасадик, в лесах - задок. Недоплененная природа на цыпочки встает, людей по вкусу выбирает и за руку ведет. И не единственное ль это, за что люблю укромный город, где сама я равна нулю.

1997

* * *

Не без труда я вас узнала в дремучем дядьке с бородой, что от вокзала до вокзала бредет почти уже седой. С физической обузой тела, с невнятной утюло душой. Но отчего я так вспотела от этой встречи небольшой... Иль память темные густые свои раскрыла закрома, иль души скучные пустые сошли от радости с ума... Но три-четыре эпизода сверкнули ценною рудой, когда возник среди народа усталый дядька с бородой, как сон, как метеоневзгода...

1997